

УДК 502.4

История и современное состояние биосферных особо охраняемых природных территорий Таймыра

И.Н. Поспелов¹, М.Г. Бондарь²,
Л.А. Колпашиков², Е.Б. Поспелова²

¹Институт проблем экологии и эволюции РАН им. А.Н. Северцова, Москва, Россия; ²Объединённая дирекция заповедников Таймыра, Норильск, Россия

History and current state of the biosphere specially protected natural territories of Taimyr

I.N. Pospelov¹, M.G. Bondar², L.A. Kolpaschikov², E.B. Pospelova²

¹Severtsov Institute of Ecology and Evolution, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; ²Joint Directorate of Taimyr Nature Reserves, Norilsk, Russia

pleuropogon@gmail.com

Summary. In 1995, the State Reserve "Taimyrsky" was awarded the status of a UNESCO Biosphere Reserve. It was during this period, that the global concept of the tasks and functions of biosphere reserves as such changed. Initially, biosphere reserves were created as territories for background monitoring of undisturbed natural complexes. With the adoption of the Seville Strategy in 1995, along with this function, the task of promoting sustainable social-economic development of regions and local communities was adopted, but at the same time preserving and deepening the scientific work of the reserve – monitoring natural environment of the reserve core and adjacent areas. A zone of cooperation of the reserve was declared, including areas of compact residence and nature use of indigenous people - Dolgan and Nganasan. After the unification of all 5 federal protected areas of Taimyr in 2013 into the management of a single Unified Directorate, the implementation of the functions of the biosphere reserve, especially scientific works, for the Taimyr Reserve has become significantly more complicated. Currently, one of the main tasks is to monitor and manage the Taimyr population of wild reindeer – the basis of the traditional nature management of Taimyr people, along with domestic reindeer husbandry, fishing and fur trade. The satellite tracking program conducted since 2018 and the resumption of accounting works have made it possible to identify the unfavorable state of this population and outline measures for its protection and restoration.

Key words: *Biosphere Reserve, Arctic, Taimyr, long-term monitoring, Biodiversity, Traditional use of natural resources, Wild reindeer.*

Резюме. В 1995 г. государственному заповеднику «Таймырский» был присвоен статус биосферного резервата ЮНЕСКО. Именно в этот период изменилась глобальная концепция задач и функций биосферных резерватов как таковых. Изначально биосферные резерваты создавались как территории фонового мониторинга ненарушенных природных комплексов.

С принятием Севильской стратегии в 1995 г. наряду с этой функцией была принята задача содействия устойчивому социально-экономическому развитию регионов и местных общин, но при сохранении и углублении научных работ заповедника – мониторинга природной среды заповедного ядра и сопредельных районов. Была декларирована зона сотрудничества резервата, включающая районы компактного проживания и природопользования коренных народов – долган и нганасан. После объединения в 2013 г. всех пяти федеральных ООПТ Таймыра в управление единой Объединённой дирекции выполнение функций биосферного резервата, особенно научных работ, для Таймырского заповедника существенно осложнилось. В настоящее время одной из основных задач стал мониторинг и управление Таймырской популяцией дикого северного оленя – одной из основ традиционного природопользования народов Таймыра, наряду с домашним оленеводством, рыбным и пушным промыслом. Проводимая с 2018 г. программа спутникового слежения и возобновление учётных работ позволили выявить неблагоприятное состояние этой популяции и наметить меры для её охраны и восстановления.

Ключевые слова: *Биосферный резерват, Арктика, Таймыр, длительный мониторинг, биоразнообразие, традиционное природопользование, дикий северный олень.*

Введение

Таймырский биосферный резерват – единственный в России из 47 таких международно признанных территорий, расположенный в континентальной тундровой зоне. Само по себе наличие подобного резервата в этой природной зоне имеет большое значение, поскольку, по крайней мере на момент его создания, биота Арктики была наименее нарушена, хорошо изучена и могла служить эталоном для оценки естественного течения процессов по программе мониторинга. Основа для таких сравнений была заложена в ходе исследований по Международной биологической программе (1964–1974 гг.), когда на Таймырском полуострове по инициативе и с участием специалистов из разных академических институтов и ВУЗов было создано несколько стационаров.

Сам Таймырский государственный природный заповедник был учреждён Постановлением Правительства РСФСР от 23 февраля 1979 г. № 107. Заповедник имеет кластерную структуру и состоит из четырёх участков: основной (тундровой) территории, расположенной в подзоне типичных тундр и захватывающей также участок гор Бырранга, участка «Ары-Мас» в подзоне южных тундр, участка «Лукунский» в лесотундре и филиала Арктический, расположенного в подзоне аркти-

ческих тундр и присоединённого к заповеднику в 1994 г. распоряжением Правительства Российской Федерации за № 1087. Общая площадь заповедника в соответствии с правоудостоверяющими документами составляет 1781928 га. В 1994 г. к заповеднику была присоединена охранный зона «Бикада», бывшая до этого заказником окружного подчинения, предназначенным для охраны акклиматизируемой популяции овцебыка в зоне расселения. В 1995 г. по решению Международного координационного совета Программы МАБ ЮНЕСКО (МКС МАБ) Таймырский заповедник получил статус биосферного резервата и был включён во Всемирную сеть таких резерватов. Но, несмотря на такое международное признание, в соответствии с Приказом Министра природных ресурсов РФ № 237 от 13.08.2012 г., Таймырский заповедник перестал быть самостоятельным учреждением и перешёл под управление Объединённой дирекции заповедников Таймыра, вместе с заповедниками «Путоранский» и «Большой Арктический».

Краткая история организации и деятельности Таймырского заповедника

Историю Таймырского заповедника, который в 2009 г. отметил своё 30-летие, можно условно разделить на три этапа. Организация его была довольно длительной, она началась в 1930-х годах. Было много споров относительно его местоположения – бассейн оз. Таймыр согласно проекту Б.А. Тихомирова, предложенному в 1949 г.; междуречье рек Пясины и Пуры по проекту 1967 г. НИИСХ Крайнего Севера; бассейны рек Логата и Верхняя Таймыра, включая урочище «Ары-Мас» (Штильмарк, 1974 а,б); последний и был принят за основу с включением также участка р. Лукунской (Поспелова и др., 1999). Первые годы заповедник работал почти «на самовыживании», менялись директора – В.А. Мирошниченко, Б.И. Магомадов, В.Ю. Резяпкин; в эти годы создавалась материально-техническая база – строились кордоны, жилые здания, приобреталось необходимое оборудование.

В 1985 г. был создан научный отдел, тогда в составе четырёх человек, под руководством Ю.Н. Литвинова (Гаврилов, 2019). Для помощи молодым специалистам приглашались учёные из институтов Красноярска, Иркутска, Норильска, Ленинграда, Москвы. Были выпущены первые «Летописи природы», начаты работы по инвентаризации биоразнообразия. С 1988 г. директором заповедника стал Ю.М. Кар-

баинов. Работа всего заповедника и научного отдела, в частности, приобрела новые качества. Именно с конца 1980-х годов заповедник стал активно сотрудничать со сторонними отечественными и зарубежными научными организациями. Были налажены контакты с национальным парком «Ваттенмеер» (ФРГ), в заповеднике работали учёные Германии, Польши, Нидерландов, ЮАР, Австралии, Франции, Норвегии и других государств.

В 1991–1992 гг. при поддержке WWF и Госкомсевера России была организована комплексная научная экспедиция Института проблем экологии и эволюции РАН, с участием сотрудников заповедника, в результате работ которой был составлен научный проект организации Арктического участка Таймырского заповедника. В 1992 г. была создана комплексная полевая научная группа, в состав которой входили ландшафтовед, флористы, териологи, почвовед, орнитолог, впоследствии также геоморфолог, энтомолог, геоботаник. В ходе работ этой группы была значительно расширена площадь обследования заповедника, в том числе в центральной и восточной частях гор Бырранга, были составлены комплексные ландшафтные карты участков для мониторинга, создана база данных и ГИС по биоразнообразию Таймыра. Летописи природы, составленные по результатам этих наблюдений, высоко оценивались Министерством экологии, а впоследствии управляющими подразделениями Министерства природных ресурсов. С начала 2000-х годов резко сократилось финансирование на использование авиации, поэтому какое-то время группа работала на сопредельных территориях заповедника, доступных водным транспортом, а позже (в 2005–2012 гг.) проводились лодочные маршруты с минимальными вертолётными забросками, что позволило обследовать Анабарско-Котуйский массив, до того времени бывший «белым пятном» в сводках по биоразнообразию, особенно фиторазнообразию.

В эти годы публикационная активность сотрудников научного отдела заповедника резко возросла, стали издаваться монографии, сборники научных трудов, статьи в высокорейтинговых российских и зарубежных журналах; сотрудники стали регулярно принимать участие в международных и общероссийских конференциях. Были переизданы труды классиков исследования Таймыра – А.Ф. Миддендорфа, Л.Н. Тюлиной. Численность сотрудников научного отдела, включая контрактников, составляла в разные годы от 12 до 24 (в том числе в его состав входили доктора и кандидаты наук), а число разрабатывае-

мых тем, затрагивавших все компоненты биосферы от растительного и животного мира до гидрологических процессов, дендроиндикации, истории формирования ландшафтов – 14.

Деятельность заповедника «Таймырский» как биосферного резервата

В 1995 г., как уже было сказано, решением ЮНЕСКО Таймырский заповедник получил статус биосферного. Инициатором этого был академик Е.Е. Сыроечковский. Совместно с Ю.М. Карбаиновым он подготовил обоснование этого статуса, провёл зонирование заповедной территории по правилам, принятым в Программе ЮНЕСКО «Человек и биосфера» (МАБ) в 1974 г. Согласно этим правилам создание биосферных резерватов должно было содействовать охране всего биоразнообразия на их территории, проведению научных исследований по разным направлениям и организации экологического мониторинга (Герасимов, 1978; Соколов, Сыроечковский, 1981). Следует подчеркнуть, что изначально биосферные резерваты создавались как территории для расширенного фонового мониторинга ненарушенных природных комплексов и рассматривались в качестве эталонов естественной природной среды для сравнения с участками, находящимися под антропогенным воздействием. Именно эти задачи ставились и перед арктическим биосферным заповедником «Таймырский», тем более что его территория вполне отвечала принятым требованиям как почти полностью ненарушенная и вполне охватывающая весь спектр экосистем, представляющих все подзоны тундровой зоны и лесотундру. В этот же период на Таймыре был создан Большой Арктический заповедник, который изначально задумывался и проектировался как биосферный резерват, но соответствующей заявки в ЮНЕСКО так и не было представлено.

Ещё в 1992 г. на Всемирном саммите в Рио-де-Жанейро была принята декларация по окружающей среде и развитию, в рамках которой функции биосферных резерватов были изменены, а с утверждением в 1995 г. Севильской стратегии и Положения о Всемирной сети биосферных резерватов помимо проведения научных исследований и мониторинга перед ними была поставлена задача «содействия экономическому и социальному развитию, устойчивому в социально-культурном и экологическом отношении; а также научно-техническая поддержка демонстрационных проектов, экологического образования и подготовки кадров в области окружающей среды, научных иссле-

дований и мониторинга, которые связаны с местными региональными, национальными и глобальными вопросами сохранения среды и устойчивого развития» (Севильская..., 2000: Стратегия..., 2017). В этих документах предполагалось, что коренное население и местные общины должны играть важную роль в рациональном использовании и улучшении окружающей среды в силу их знаний и традиционной практики, принимать участие в достижении устойчивого развития, внося свой опыт традиционного природопользования в решение задач охраны окружающей среды. В соответствии с новым пониманием задач биосферных резерватов, они должны были включать:

1) основные территории, или «ядра», пользующиеся долгосрочной защитой и позволяющие сохранять биологическое разнообразие, вести наблюдение за наименее нарушенными экосистемами, проводить исследования и другую, не вносящую больших нарушений деятельность (например, при организации мероприятий по улучшению экологического образования);

2) чётко определённую буферную зону, которая обычно располагается вокруг «ядер» или примыкает к ним, и которая используется на основе сотрудничества с заинтересованными организациями и лицами экологически безопасной деятельности, в том числе в области экологического образования, досуга, экотуризма, а также прикладных и фундаментальных исследований;

3) гибкую переходную зону, где могут проводиться некоторые виды сельскохозяйственной деятельности, размещаться населённые пункты. Она также может использоваться и в других целях. В её пределах местные общины, административные органы и научные учреждения, неправительственные организации, культурные общества, деловые круги и другие партнёры работают совместно в целях рационального управления и устойчивого воспроизводства ресурсов этой территории (Севильская..., 2000). Таким образом, в нашем случае Таймырский биосферный резерват должен включать территорию, предназначенную для сотрудничества с коренными народами Севера.

Для укрепления такого сотрудничества было даже предложено создавать «биосферные полигоны». Согласно статье 10 Закона об ООПТ (ФЗ-33), посвящённой биосферным заповедникам, понятие «биосферного полигона» прописано не совсем чётко. Так, в п. 2 значится, что «к территориям государственных природных биосферных заповедников в целях проведения научных исследований, государственного экологиче-

ского мониторинга, а также апробирования и внедрения методов рационального природопользования, не разрушающих окружающую среду и не истощающих биологические ресурсы, могут быть присоединены территории биосферных полигонов, в том числе с дифференцированным режимом особой охраны и использования (Федеральный закон..., 1995)». По решению Правительства Российской Федерации, биосферные полигоны «могут быть созданы на части территории государственных природных заповедников», но такой вариант в Таймырском заповеднике исключается, поскольку собственно на его территории нет постоянного коренного населения. Кроме того, тот же Закон об ООПТ *запрещает* изменять режим использования *заповедной* территории.

Далее (п. 4) – «На специально выделенных *федеральным* органом исполнительной власти, в ведении которого находится государственный природный биосферный заповедник, участках биосферного полигона государственного природного биосферного заповедника для обеспечения предусмотренных Положением об этом полигоне видов деятельности, развития познавательного туризма, физической культуры и спорта *допускается размещение объектов капитального строительства и связанных с ними объектов инфраструктуры*, перечень которых устанавливается Правительством Российской Федерации для каждого биосферного полигона государственного природного биосферного заповедника». При этом нет ни слова о традиционном природопользовании в пределах биосферных полигонов, хотя далее по тексту закона предусматривается, что «Земельные участки, необходимые для осуществления деятельности, указанной в пункте 4 настоящей статьи, могут предоставляться гражданам, юридическим лицам в аренду в соответствии с земельным законодательством». В этом пункте может подразумеваться и выделение участков для традиционного природопользования, но если рядом будут крупные объекты капитального строительства, то о каком развитии традиционного природопользования может идти речь? Одновременно напрашивается вывод, что в соответствии с Федеральным законом (1995) биосферный полигон может рассматриваться, как *некая модельная территория для изучения природных и природно-антропогенных процессов трансформации природно-территориальных комплексов и внедрения рациональных методов природопользования*. Но в таком случае проявляется правовая коллизия относительно режима его охраны, т.е. отнесения его к режиму охраны природного заповедника или национального парка (Кудактин, Крохмаль, 2007).

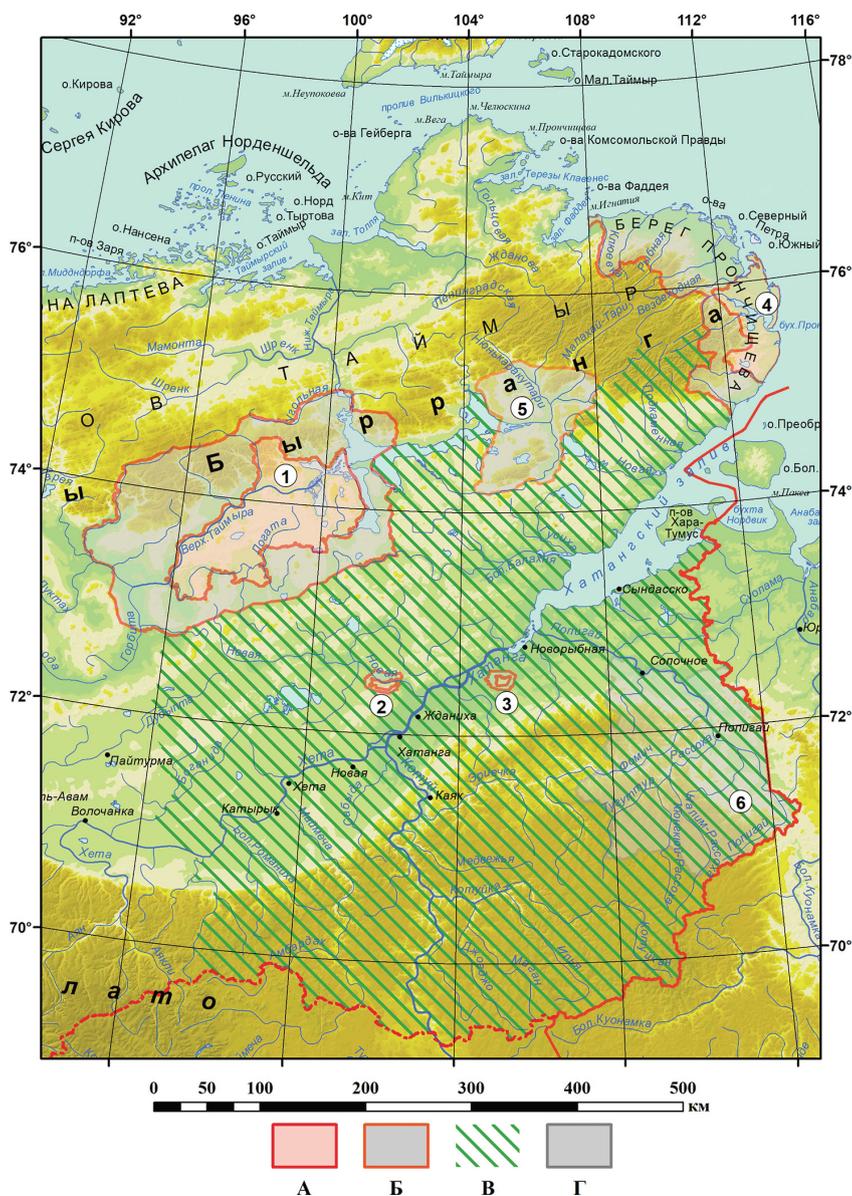

Рис. 1. Карта современного функционального зонирования Государственного природного биосферного заповедника «Таймырский»
 А – заповедные территории; Б – охранный зона (проект); В – зона сотрудничества, декларированная в МАБ ЮНЕСКО; Г – территория традиционного природопользования «Поппайг»

Подобные предложения вызвали горячие дискуссии среди специалистов заповедного дела и описанная выше инициатива Министерства природных ресурсов и экологии РФ не получила широкого распространения. На данный момент известно всего четыре полигона, официально утверждённых Минприроды в пределах следующих биосферных резерватов: Баргузинском, Окском, Тебердинском, Кавказском. Были планы создания ещё нескольких биосферных полигонов, но до их официального утверждения дело так и не дошло. Более того, при встрече с представителями Секретариата МАБ/ЮНЕСКО, отвечающими за развитие Всемирной сети биосферных резерватов, с их стороны было высказано сомнение, что предложение создавать «биосферные полигоны», в дополнение к утверждённой структуре зонирования биосферных резерватов, будет поддержано другими странами-членами МКС МАБ. Во избежание такого развития событий, очевидно, было бы совершенно правильно в самое ближайшее время (до утверждения в 2021 г. на юбилейной сессии МКС МАБ Стратегии повышения качества всех биосферных резерватов, входящих во Всемирную сеть), исключить из Федерального закона об ООПТ (ФЗ-33) разделы статьи 10 о создании «биосферных полигонов» и их задачах.

В первоначальном варианте зонирования Таймырского резервата (рис. 1), переданного в ЮНЕСКО в 1994 г., в качестве биосферного полигона был предложен участок охранной зоны «Бикада» как единственное место, где почти круглогодично работали сотрудники заповедника и НИИСХ Крайнего Севера, проводившие наблюдения за акклиматизированной популяцией овцебыка, а на юге имелись участки с промысловым хозяйством.

Но данная территория, конечно, никак не могла считаться биосферным полигоном для реализации планов по укреплению сотрудничества, поскольку местное население там отсутствовало, и даже традиционных долганских летних кочёвок за диким оленем на летние пастбища не было в этом районе с середины 1960-х годов. Для включения в буферную зону и в переходную зону резервата были представлены территории охранных зон участков «Ары-Мас» и «Лукунский»,

Цифрами обозначены участки заповедника: 1 – основная тундровая территория (участок «Верхняя Таймыра»), 2 – участок «Ары-Мас», 3 – участок «Лукунский», 4 – участок «Арктический», 5 – участок «Бикада» в статусе охранной зоны (номинаровался как биосферный полигон), 6 – территория традиционного природопользования «Поппигай»

согласованные с органами местного самоуправления, но так и не оформленные, в условиях реформы ООПТ Таймырского полуострова, окончательно. В соответствии с действующим законодательством запланированные буферная и переходная зоны резервата не легитимны, а проекты охранных зон всех ООПТ на Таймыре, подготовленные по запросу Министерства природных ресурсов и экологии России несколько лет тому назад, так и не утверждены. Кроме того, было выделено отдельное финансирование для создания проекта морской охранной зоны Арктического участка, которая хотя и была разработана, но по сей день также не утверждена министерством.

В начале 2000-х годов была предложена переходная зона резервата для укрепления сотрудничества с местным населением, включавшая районы компактного проживания и традиционного природопользования коренных жителей Таймыра – долган и нганасан: низовья рек Фомич и Попига́й (см. рис. 1). Вплоть до реорганизации ООПТ Таймыра в единое Федеральное государственное бюджетное учреждение «Заповедники Таймыра» здесь проводились углублённые научные исследования. Был организован международный центр арктической культуры и цивилизации. Первоначально его местонахождение планировалось в с. Хатанга, но в силу ряда обстоятельств впоследствии он был перенесён в Дудинку. По инициативе и при финансировании указанного центра, а также при прямом участии сотрудников Таймырского резервата была создана территория традиционного природопользования «Попига́й» (ТТП). По согласованию с администрацией округа был разработан план укрепления и расширения сотрудничества в этом районе. Были даже проведены предварительные полевые работы, составлены ландшафтно-экологические карты, проведена инвентаризация флоры и фауны. Но уже после первого этапа обследования работы были прекращены из-за сокращения округом финансирования. Тем не менее, постановление об организации ТТП имеется, однако из-за отсутствия законодательных оснований и фактически ликвидации Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа как самостоятельного субъекта федерации, статус этой территории до сих пор юридически не определён.

Таким образом, решить новые задачи, поставленные перед биосферными резерватами, на территории Таймырского резервата оказалось практически невозможно, поскольку она была выбрана именно как незаселённая, не испытывающая никакого антропогенного воз-

Рис. 2. Домашнее оленеводство на востоке Таймыра сейчас сохранилось лишь в бассейне р. Попигай. Оленья упряжка у р. Попигай. Фото Е.Б. Поспеловой

действия. Все имеющиеся на восточном Таймыре поселения находятся за пределами резервата, и только филиал учреждения (офис) находится в с. Хатанга, а ближайшие населённые пункты, в которых проживает местное коренное население, занимающееся традиционными промыслами (олeneводство, охота, рыболовство), находятся значительно южнее и восточнее – Новорыбное, Попигай, Хета, Новая и др.

Необходимо также учитывать, что с начала 1990-х годов серьёзно изменилась структура природопользования коренного населения Таймыра, ранее сводившаяся к оленеводству, охоте и рыболовству. Изначально природопользование не имело внешнего товарного выхода, то есть получаемая продукция коренных общин использовалась ими полностью для своих нужд, имелся минимальный меновый обмен. С введением плановой экономики местные общины, частично организованные в колхозы или совхозы, должны были обеспечивать товарный выход продукции на внешний рынок. Это привело к увеличению домашних стад, а классическое домашнее оленеводство не подразумевало экстенсивного наращивания поголовья (рис. 2), но, тем не менее, при получении поддержки от государства приходилось в обязательном порядке увеличивать объём сдаваемой продукции.

Это обусловило интенсивный промысел дикого оленя, а современные методы его добычи не соответствуют традиционной, проводившейся без огнестрельного оружия или с его минимальным применением. Интенсивный промысел дикого оленя приносил доход, но в то же время постепенно привёл к снижению его численности, особенно в последнее время, когда преимущественно отстреливаются наиболее крупные (элитные) особи – взрослые быки и важенки (Бондарь, Колпащиков, 2017; Колпащиков, Бондарь, 2017).

До начала 1990-х годов главным экономическим выходом коренных общин крайнего Севера была пушнина как золотовалютный ресурс, поэтому остальные виды промыслов не играли ключевой роли. Но в 1991 г. советская пушнина была объявлена не соответствующей мировым стандартам выделки, и она перестала выходить на внешний рынок, в особенности это касалось песца. Это свело для местных жителей доходность песцового промысла к нулю. При этом именно коренное население лишилось существенной доли дохода, поскольку добыча песца с этого времени проводилась только для своих нужд – как одежда, сувениры и пр. Это частично способствовало обращению к новому и весьма прибыльному источнику дохода – пантовому промыслу, которое ведётся сейчас совершенно варварским способом и приводит к сильному снижению численности поголовья дикого оленя и нарушению его половозрастной структуры (Бондарь, Колпащиков, 2018).

Рыболовство как элемент традиционного природопользования для коренного населения Таймыра, как и охота и оленеводство, существовало только как деятельность, направленная на самообеспечение общины (семьи) и не имевшая существенного товарного выхода. С переходом к рыболовецким артелям рыболовство на Таймыре начало развиваться активно, но после удорожания авиаперелётов возникли проблемы доставки уловов в Хатангу, и промышленное рыболовство на отдалённых озёрах (а именно там сконцентрированы основные запасы ценных видов рыб) постепенно заглохло. К тому же и доставка рыбы в отдалённые города также стала коммерчески не выгодна, так что в настоящее время рыболовство перешло если не к традиционным формам, то близко к ним.

Таким образом, традиционное природопользование коренных народов Таймыра ныне не существует в его классическом понимании, потому что оно не подразумевает внешнего товарного выхода продукции или услуг, и ведётся традиционными способами, то есть без

применения техники, доставки продукции в больших количествах в отдалённые районы страны, хотя она и пользуется там спросом.

Вовлечение коренного населения в деятельность резервата сводилось преимущественно к привлечению представителей коренных народов к работе отдела охраны и экологического просвещения. Единственная из этих задач, которую можно считать выполненной – это создание отдела экопросвещения, полностью укомплектованного представителями коренных народов – долганями и частично нганасанами, а также открытие широко известного музея природы и этнографии в с. Хатанга, где собраны богатые этнографические коллекции, видеофильмы и компакт-диски о природе Таймыра. На базе музея проводятся лекции, выставки, работа со школьниками, летом – действует детский экологический лагерь на участке «Ары-Мас», проводятся выездные лекции в отдалённых населённых пунктах района. Фактически «переходной зоной», в пределах которой происходит активное сотрудничество с местным населением, оказалось с. Хатанга, ныне – центр одноимённого сельского поселения (бывший Хатангский район Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа) и, собственно, сама территория сельского поселения. Тем не менее, в указанной зоне в последнее время коренное население участвует в различных мероприятиях, проводимых научным отделом – в частности, при учёте и мечении диких северных оленей спутниковыми ошейниками, мероприятиях по рационализации использования охотничьих видов и охране редких видов животных.

После объединения Таймырских заповедников был закрыт один из проектов, предполагавший вовлечение коренного населения в деятельность резервата и сохранение традиционного природопользования – возрождение ездового собаководства. Этот проект намечался ещё с середины 1990-х годов. По инициативе С.Э. Панкевича и Б.И. Лебедева упряжки были созданы – собаки отбирались по экстерьеру в местных общинах, теми или иными способами доставались маламуты, аляскинские хаски, гренландские собаки, и из наиболее подходящих из них составляли упряжки. К 1995 г. была сформирована упряжка из шести собак, на которой совершались недалёкие пробные походы. Собачьи упряжки сопровождали группы туристов и лыжников, в частности, при походах с выходами к Северному полюсу. Участие собачьих упряжек в походах очень позитивно воспринималось туристами. Наши собаки стали появляться в популярных телепере-

дачах, в том числе и иностранных телекомпаний. Для ездовых собак к 2001 г. был построен питомник (число собак достигло 20 – это две полные упряжки), в питомнике активно работали представители коренных народов. В 2003 г. Фондом национальных парков был выделен грант на поддержку питомника. Наши упряжки стали участвовать в традиционных весенних собачьих гонках (Панкевич, 2008).

Но после объединения Таймырских ООПТ, что существенно снизило финансирование, этот проект практически был ликвидирован. Питомник не на что стало содержать, собак разобрали местные охотники, а некоторые просто разбежались.

Научная работа, активно проводившаяся сотрудниками резервата в период до объединения его с другими ООПТ, в настоящее время в резервате проводится в минимальном объёме, если не считать групп сотрудников отдельных научных учреждений России, а иногда и других стран. В с. Хатанга в научном отделе остался один научный сотрудник, но и он может проводить лишь ограниченные по расстоянию выезды на близлежащие участки «Ары-Мас» и «Лукунский», поскольку участки «Основная тундровая территория», «Арктический» и «Бикада» находятся столь далеко от Хатанги, что их посещение, а тем более постоянный мониторинг популяций растений и животных там связаны с существенными затратами (аренда вертолёта или судна типа река-море). Поэтому значительная работа по мониторингу, первые стадии которой относятся к 1990-м годам (выявление реликтовых популяций некоторых редких растений, слежение за динамикой популяций птиц, особенно гусеобразных), практически сведена на нет и при имеющемся финансировании и сокращении штата научных сотрудников вряд ли может быть продолжена в том же объёме, как раньше. Это делает невозможным получение данных об изменениях ареалов отдельных видов растений и животных, связанное, возможно, с изменением климата за последние 20 лет, когда, согласно анализу данных метеостанции Хатанга за последние годы, значения среднегодовых температур, и в том числе средних температур вегетационного периода, повысились, а его длительность возросла. Такие изменения безусловно влияют на ход весенней миграции дикого северного оленя и, по данным последних исследований (Бондарь, Колпашиков, 2019), сильно снижают его численность; изменяются и фенологические фазы многих растений.

В 2012 г., после реорганизации трёх учреждений в единую дирекцию Заповедников Таймыра, управляющую пятью федеральными

ООПТ (заповедники «Таймырский, «Большой Арктический», «Путоранский», заказники «Пуринский» и «Североземельский»), выполнение функций биосферного резервата «Таймырский» сильно осложнилось. Кроме того, заповедник «Большой Арктический» так и не приобрёл статус биосферного, как это предполагалось Концепцией развития системы особо охраняемых природных территорий федерального значения на период до 2020 г.

После передачи в 2013 г. всех пяти федеральных ООПТ Таймырского района в управление Объединённой дирекции заповедников Таймыра выполнение функций биосферного резервата «Таймырский» было затруднено. Но сейчас предпринимаются усилия по созданию на базе этого подразделения форпоста (международной научной станции по исследованию природы, этнографии коренных малочисленных народов Севера в условиях изменений климата) для проведения научных исследований и реализации природоохранных мероприятий как на территории Таймырского резервата, так и на сопредельных с ним участках.

Мониторинг на территории резервата

Флора и растительность. К моменту присвоения Таймырскому заповеднику статуса биосферного полная инвентаризация его биоты отсутствовала. Сведения о разнообразии позвоночных животных можно было считать относительно полными, но списки сосудистых растений, мхов и лишайников, как и беспозвоночных животных, были крайне фрагментарными. Поэтому прежде чем переходить к мониторингу, необходимо было решить задачу инвентаризации флоры и выявить несколько перспективных для проведения мониторинга локальных флор на основе создания локальной опорной сети. Критериями отбора локальных флор для проведения дальнейшего мониторинга служили репрезентативность их для определённого выдела районирования, уникальность ландшафта, и в то же время его типичность. В своей работе мы исходили и из того, что периодичность реинвентаризации состава локальных флор и активности видов должна составлять 10, а в некоторых случаях и 20–30 лет (Юрцев, 1997).

С конца 1990-х и до начала 2000-х годов на территории резервата и, частично, его буферной зоны, мы обследовали более 20 ключевых участков, для которых были составлены крупномасштабные ландшафтные карты, сделаны геоботанические описания, подготовлены списки локаль-

ной флоры, почвенных разностей, списки птиц с указанием статуса гнездования, проведены отловы мышевидных грызунов, составлены карты песцовых поселений, выявлены местонахождения редких видов растений. На основе сравнительного анализа для дальнейшего мониторинга мы отобрали 10 локальных флор, представляющих подзоны арктических, типичных (горных и равнинных), южных тундр и лесотундры. Такие работы предполагались на территории планируемой охранной зоны – в среднем течении р. Фадьюкуда, где имеются реликтовые ольховники, криофитно-степные горные луга и ряд редких, возможно, реликтовых эндемиков. Но в связи с отсутствием средств на аренду авиации удалось провести повторное обследование только трёх ключевых участков, результаты которого частично изложены в публикациях (Поспелов, Поспелова, 2001; Поспелова, Поспелов, 2005, 2007, 2015) и в отдельных книгах *Летописи природы* (*Летописи...*). К сожалению, эти работы также застопорились из-за отсутствия средств и увольнения некоторых специалистов, участвовавших в комплексных полевых исследованиях.

Мониторинг растительных сообществ проводился в течение ряда лет силами сотрудников резервата на участке Ары-Мас – изучались тенденции изменения состояния древостоя одного из самых северных участков лесной растительности в мире. Мониторинг выполняли на пробных площадках, заложенных ещё в 1970-х годах экспедицией Ботанического института РАН под руководством проф. Б.Н. Норина, а также несколько позже сотрудниками резервата, вплоть до 2011 г. Эти работы были повторены в 2019 г. сотрудником Института леса им. В.Н. Сукачева СО РАН А.И. Бондаревым и сотрудниками резервата по заказу Всемирного фонда охраны природы в целях реализации проекта RU 012718 «Сохранение биоразнообразия северных регионов России для достижения целей Конвенции о биологическом разнообразии путем расширения и усиления сети особо охраняемых природных территорий, адаптированных к изменениям климата». Исследованы структура и динамика древостоев, радиальный прирост деревьев, возобновление лиственницы, а также флуктуация границы лесной растительности. Намечено продолжить такие работы на другом участке резервата с лесной растительностью – Лукунском.

Териофауна. *Дикий северный олень.* В настоящее время одной из основных задач стал мониторинг и управление Таймырской популяцией дикого северного оленя (рис. 3). Мы уже упоминали, что это – одна из основ традиционного природопользования народов Таймыра,

Рис. 3. Дикие северные олени на переправе через р. Котуй на осенней кочёвке. Фото И.Н. Поспелова

наряду с домашним оленеводством, рыбным и пушным промыслом. При стихийном развитии рыночных отношений в сельском и охотничьем хозяйствах северных регионов России, в последние 30 лет из внимания выпала необходимость сохранения традиционных форм использования некоторых северных диких и домашних видов животных как основы устойчивого существования этносов севера Средней Сибири. Печальными результатами этого стала утрата домашнего и промыслового оленеводства на большей части Таймыра, в том числе бесконтрольная коммерциализация промысла дикого северного оленя, практически полное исчезновение оленеводства нганасан и долган, что поставило эти этнические группы на грань вымирания.

Таймырская популяция дикого северного оленя – крупнейшая в мире, в периоды наибольшей численности она достигала 1 млн голов, но в настоящее время, по данным последнего авиаучёта (2017 г.), осталось всего 384 тысячи. Если в первые годы учётов в летнее время основная часть популяции была сосредоточена на западе полуострова, то в 2017 г. наибольшая численность отмечалась в его центре (Бондарь, Колпашиков, 2018), что связано как с антропогенным воздействием, так и с влиянием естественных факторов. В настоящее время

по нашим экспертным оценкам численность популяции составляет не более 300 тыс. особей.

В последние 5 лет в переходной зоне Таймырского биосферного резервата (при финансовой поддержке WWF России) реализуется ряд проектов, направленных на сохранение промыслового значения таймырской популяции дикого северного оленя и развитие северного домашнего оленеводства с учётом научных основ освоения природно-ресурсного потенциала Таймыра. Использование знаний местного населения о таймырской популяции дикого северного оленя, богатый собственный опыт, наряду с применением инновационных методов научных исследований, позволили реализовать комплекс мер по сохранению и рационализации использования дикого северного оленя, а также по обеспечению его бесконфликтного сосуществования при перспективном развитии северного домашнего оленеводства на Таймыре. Проводимая с 2018 г. программа спутникового слежения и возобновление учётных работ позволили выявить неблагополучное состояние этой популяции и наметить меры для её охраны и восстановления.

Мечение оленей на крупных реках (Хета, Хатанга, Пясины) проводилось спутниковыми передатчиками системы ARGOS, размещёнными в ошейниках. Животные отлавливались на переправах и на них надевался ошейник с передатчиком. Система ARGOS обеспечивает получение качественных данных о пространственном положении и некоторых физиологических параметрах животного практически онлайн и с высоким качеством (50–300 м на местности). Системы, основанные на использовании сотовой связи, хотя и значительно дешевле в эксплуатации, на Таймыре не могут использоваться из-за крайне малых площадей, покрытых GSM-сетью. Всего за 4 года таким образом было помечено 49 животных. Сейчас по 22 животным имеется цикл наблюдений более чем за полтора года. Как показала практика, именно таков ресурс работы одного передатчика (максимальный период наблюдений – 551 день).

На основе полученных данных выявлен ряд ключевых территорий, жизненно важных для дикого северного оленя (рис. 4): это прежде всего места отела и летовок, а также миграционные коридоры и зимовки. Если летовки дикого северного оленя достаточно охвачены ООПТ различного ранга (резерват «Таймырский», заповедник «Большой Арктический» и их охранные зоны, федеральный заказник «Пуринский»), то места отёла практически не охвачены сетью ООПТ, да и вряд ли они

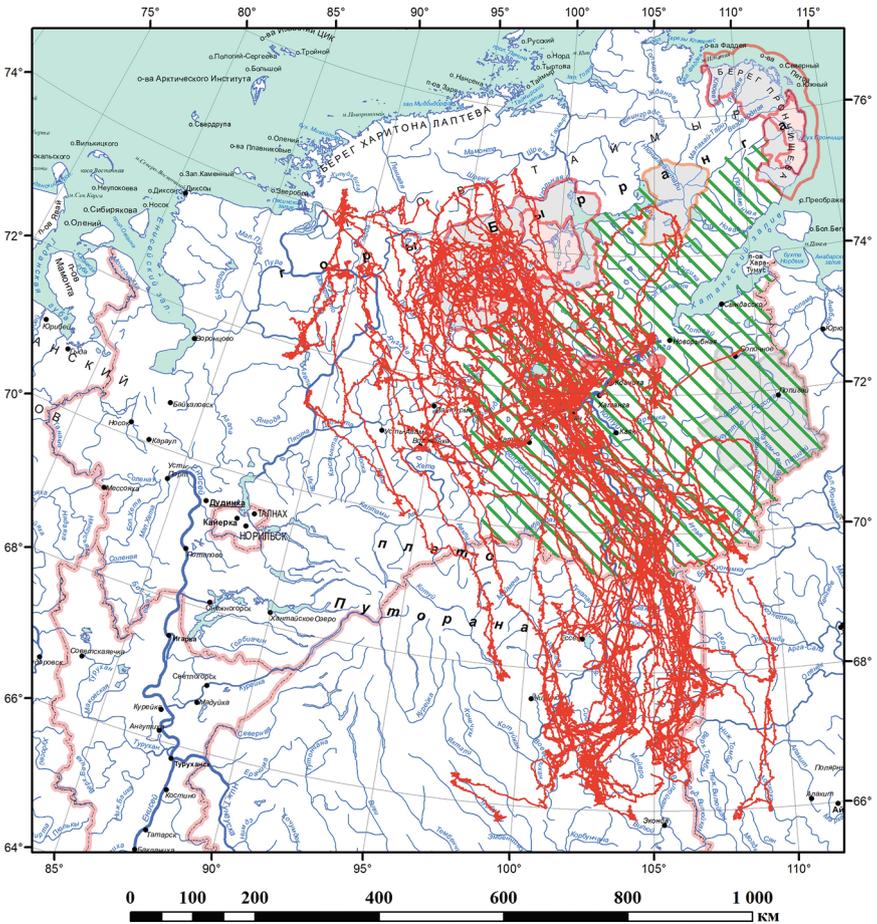

Рис. 4. Треки перемещений помеченных в 2016–2020 гг. спутниковыми передатчиками диких северных оленей (красные линии). Условные обозначения территорий Таймырского заповедника см. на рис. 1

могут быть охвачены, так как сейчас из-за климатических изменений отёл ежегодно происходит в разных местах. Таким образом, необходимо оперативное создание зон покоя либо эффективное регулирование параметров охоты на этих территориях (Колпациков, Бондарь, 2019).

Несмотря на то, что установленная область зимовки оленей находится в почти ненаселённом районе, меры по её охране также необходимы. Современные средства транспорта позволяют вести промысел (в том числе и незаконный) на значительном удалении от населённых

пунктов, нередко варварскими методами, с изъятием элитных особей из популяции, промыслом пантов (срезание пантов бензопилами на речных переправах) на весенних миграциях.

Овцебык. В последней четверти XX века учёными Научно-исследовательского института Крайнего Севера и Таймырского заповедника был выполнен удачный амбициозный проект по акклиматизации овцебыка на Таймыре, в результате чего была создана жизнеспособная и самая крупная в России – таймырская популяция (Якушкин, 1988). В настоящее время этот вид широко расселился по территории Таймыра, устойчивые микропопуляции сформированы в северных предгорьях Бырранга в бассейнах рек Шренк и Траутфеттер, сохраняется (по крайней мере, до последнего времени) популяция в бассейне Бикады, есть сведения о встречах групп животных в низовьях р. Пясины и одиночных быков в лесотундре и равнинной северной тайги, даже на границе с южными горами (Анабарское плато, плато Пудорана). Но для выявления полной картины современного ареала необходимо проведение полномасштабных авиаучётов, что требует значительных затрат.

Овцебык – это ещё один биологический ресурс, который входит в обиход коренного населения и может быть использован в формировании и развитии традиционных промыслов и культур таймырских этносов и стать источником повышения благосостояния за счёт грамотной эксплуатации запасов этого животного. Если в самом начале программы акклиматизации местное население не пыталось охотиться на овцебыка (чему в немалой степени способствовала разъяснительная работа, проводившаяся сотрудниками НИИСХ Крайнего Севера и Таймырского заповедника), то позже случаи охоты участились, и в 2001 г. официально была открыта спортивная охота на это животное. С открытием официальной охоты резко увеличился незаконный отстрел овцебыков, который вместе с официально выделяемым лимитом добычи составляет до 100 зверей ежегодно.

Современная численность зверя на Таймыре неизвестна, поэтому необходима разработка мер по контролю за незаконной охотой, тем более что популяция существует менее 50 лет и её пока нельзя назвать полностью сформировавшейся, а изменение климатических условий (увеличение толщины снежного покрова, зимние оттепели с образованием ледяной корки, естественная смена растительного покрова на излюбленных пастбищах овцебыка) также весьма отрицательно влияют на рост численности.

Популяция лаптевского моржа, существующая на побережье Хатангского залива, – один из важных объектов мониторинга в Арктическом филиале заповедника. В полном объёме учёт моржа ранее не проводился; существуют лишь неполные сведения, поступающие от отдельных наблюдателей, посетивших этот район. Согласно их сведениям, популяция в значительной степени откочевала южнее, из бухты Прончищевой на мыс Цветкова, что связано, скорее всего, с изменением ледовой обстановки, но современная численность этих группировок неизвестна. Необходимо проведение периодических учётов численности и половозрастного состава. Мониторинг популяции следует вести не только дистанционными методами (авиаучёты, подсчёт животных на снимках), но и путём непосредственных наблюдений за поведением животных в полевых условиях. Необходима также разработка мер охраны популяции, минимизация фактора беспокойства (посещение туристическими группами), с некоторых пор оно стало довольно популярным для групп, имеющих возможность самостоятельно оплатить перелёт или аренду судна «река–море».

Помимо мониторинга описанных выше млекопитающих необходимы постоянные наблюдения за численностью и состоянием популяций мышевидных грызунов (лемминги, полёвки), которые составляют основу питания хищных птиц, песца и более крупных плотоядных животных. Учёт песца и песцовых норовиц (рис. 5) проводился сотрудниками заповедника на ключевых участках и вокруг кордонов по крайней мере до 2010 г., но после 2012 г. эти учёты проводятся только на тех мониторинговых участках, где ведутся постоянные орнитологические наблюдения.

Авифауна. На территории Таймырского резервата мониторинговые наблюдения на постоянных площадках проводились с 1994 по 2003 и с 2010 по 2013 гг. в южных тундрах (устье р. Блудная), с 2004 по 2009 г. в типичных тундрах – в устье р. Верхняя Таймыра. После объединения заповедников по инициативе дирекции аналогичные работы были перенесены на территорию Большого Арктического заповедника, а в Таймырском резервате были практически прекращены. В ходе ранее проведённых исследований были получены многолетние данные об условиях гнездования птиц – погоды (температура, количество осадков в летние месяцы), состава и обилия хищников (песцы, хищные птицы), обилия грызунов, обилия и репродуктивного успеха хищных млекопитающих и птиц. Выявлялся полный состав авифауны,

Рис. 5. Песец на норнике. Северо-западный берег оз. Таймыр, берег бухты Ледяная. Фото И.Н. Поспелова

численность на разных площадках – динамика гнездовой плотности и успех гнездования у отдельных видов.

За прошедшие годы были получены данные о составе и гнездовом статусе авифауны отдельных ключевых участков, что позволило создать практически полный список птиц, обитающих на территории резервата. Частично проводились учёты редких видов (краснозобая казарка, пискулька, сапсан и др.). В настоящее время только в районе с. Хатанга и на участке Ары-Мас ежегодно проводятся наблюдения на водных и пеших маршрутах, учитываются встречи отдельных видов, рассчитывается их численность, результаты содержатся в ежегодных книгах «Летописи природы».

Фенологические наблюдения. Составление Календаря природы.

С самого начала существования заповедника силами инспекторов на кордонах отмечались сроки основных феноявлений, хотя в первое время и довольно бессистемно. Но уже с середины 1980-х годов наблюдения стали систематизироваться, составлялись таблицы феноявлений для тундровой и «лесотундровой» частей, постоянные наблюдения велись на кордонах «Малая Логата» и «Ары-Мас», отмечались сроки прилёта, гнездования и отлёта птиц, появления птенцов; были выявлены «индикаторные» виды растений, основные фенофазы которых

совпадали с наступлением фенологических периодов. До 2012 г. имеется большой массив данных по срокам наступления температурных границ сезонов, зацветания, плодоношения и отмирания индикаторных и субиндикаторных видов растений, сроков распускания почек, зеленения, пожелтения и листопада (хвоепада) основных видов деревьев и кустарников, а среди абиотических компонентов – сроков формирования льда на реках и озёрах, формирования снежного покрова и прохождения разных фаз снеготаяния. После объединения Таймырских заповедников и увольнения единственного грамотного фенолога календарь, хотя и составляется, но преимущественно по птицам, так как единственный научный сотрудник, оставшийся в Хатанге – орнитолог, и столь подробных наблюдений за фенофазами растений, как это делала Т.В. Карбаинова, работавшая на постоянных площадках и профилях, он выполнить не может. Кроме того, она выполняла и более подробные наблюдения за полными сроками прохождения фенофаз, иллюстрированные фенологическими диаграммами; увы, этого направления работ сейчас нет.

Путём сравнения сроков прохождения фенофаз растений-индикаторов, а также других феноявлений, с графиком, отражающим динамику среднегодовых, среднелетних температур, а также средних температур вегетационного периода, составленным по данным метеостанции «Хатанга», проведён анализ долгосрочного изменения среднегодовых температур воздуха и суммы активных температур ($>0^{\circ}\text{C}$) за 80 лет. Начиная с конца 1990-х годов отмечено существенное потепление, особенно заметное в начале XXI века. Воздействие потепления климата на растительность проявляется как опосредованно (изменение биотопов в результате активизации деградационных криогенных процессов), так и напрямую через увеличение длительности вегетационного периода и общей суммы получаемого растениями тепла. Установлено, что в последние годы происходит опережение сроков фенологических явлений – сроки развёртывания листвы и зацветания у растений-индикаторов, прилёта гусей, массового появления комаров, ледохода и др. (Поспелова и др., 2018). К сожалению, продолжить эти исследования в ближайшие годы не удастся, так как нет полноценных фенологических данных по Хатанге, а это было бы крайне интересно: судя по метеоданным, дальнейшее изменение погодных явлений продолжается.

До 2010 г. проводились наблюдения за динамикой протаивания грунтов на ключевых участках, а в настоящее время ограниченные наблюдения продолжаются лишь на постоянных линиях в Хатанге и на «Ары-Масе».

Заключение

Распространённая в последние годы практика объединения ООПТ разного ранга под управлением единых объединённых дирекций не всегда даёт положительный эффект. Пожалуй, только первое в России объединение Баргузинского биосферного резервата, Забайкальского национального парка и федерального заказника «Фролихинский» в единое учреждение «Заповедное Подлесье» было вполне обоснованным, поскольку в результате была сформирована практически территориально целостная территория, и у резервата естественным образом появилась возможность провести зонирование на прилегающих к нему территориям национального парка и заказника, то есть биосферный статус распространился на всю вновь созданную объединённую ООПТ. У большинства созданных объединённых дирекций (а их уже более 12, в том числе несколько дирекций с включением в них биосферных резерватов, что является нарушением документов, утверждённых ранее в ЮНЕСКО при присвоении указанного статуса) возникают разные проблемы, но, пожалуй, одна из самых «проблемных» дирекций – это «Заповедники Таймыра».

Объединение крупных ООПТ, к тому же отдалённых друг от друга на очень значительные расстояния, привело здесь к крайне отрицательному результату. Управление почти всей территорией Таймыра из центрального офиса в Норильске, расположенном за сотни километров от присоединённых ООПТ, крайне затруднено, оно требует огромных средств только на транспортные расходы. И особенно негативно объединение сказалось на Таймырском биосферном резервате. Это одна из самых удалённых территорий (если не считать Североземельского заказника), входящих в Объединённую дирекцию. Попасть в село Хатангу из Норильска можно только один раз в неделю. Поэтому общение специалистов резервата между собой и с научными центрами возможно, фактически, только в режиме он-лайн, и то не всегда, так как в условиях Севера связь бывает очень затруднена.

Объединение ООПТ сопровождалось сильным сокращением штатов. И в наибольшей степени оно затронуло научный отдел Таймырского резервата. Из состава научного отдела было уволено сразу 10 сотрудников, занимавшихся гидрологией, геоморфологией, фенологией (единственный квалифицированный фенолог!), этнографией (это как раз те специалисты по быту коренных народов и традицион-

ным промыслам). Сотрудникам упоминавшейся полевой группы было настоятельно предложено продолжать свои работы в Путоранском заповеднике, «возрастных» специалистов, даже активных полевиков, уволили без объяснений. Теперь научную работу (включая полевые исследования) на всей огромной территории Таймыра предстояло вести 12 специалистам (в итоге почти все они оказались на территории Путоранского заповедника). В 2016 г. были уволены ещё три специалиста из бывшей комплексной полевой группы (почвовед, териолог и энтомолог), а в 2019 г. – ещё и бриолог и геоботаник. В настоящее время от группы, внёсшей такой большой вклад в познание уникальной природы Таймыра, осталось всего два человека. Большинство научных тем, ранее начатых нами в Таймырском резервате, закрыто.

Таким образом, выполнение основных требований, предъявляемым к биосферным резерватам, как в соответствии с Российским законодательством, так и на уровне международных обязательств, находится сейчас под большим вопросом. Хотя новое руководство Объединённой дирекции «Заповедники Таймыра», пришедшее в начале 2019 г., пытается как-то исправить сложившуюся критическую ситуацию, но все её попытки пока имеют малый успех. Во-первых, в настоящее время основными показателями деятельности всех федеральных ООПТ России являются охрана территорий, развитие экологического туризма и экологическое просвещение, а совсем не научные исследования и мониторинг, даже если они обусловлены международными обязательствами. Во-вторых, на выполнение названных выше задач федеральное финансирование постоянно снижается и при его современном уровне просто невозможно применять современные информационные технологии. Вместе с тем можно с уверенностью сказать, что задача сохранения в нетронутом состоянии природных комплексов и биологического разнообразия резервата в значительной мере выполняется. Но в этом не столько заслуга немногочисленных сотрудников резервата, сколько отдалённость и малая населённость его территории и прилегающих районов.

Продолжить успешное выполнение задач, стоящих перед резерватом, сейчас, в связи с усилением освоения Арктических территорий будет сложно, в том числе из-за отсутствия официально утверждённых буферной и переходной зон резервата. Как показывает опыт не только Таймырского, но и многих других биосферных резерватов в нашей стране, решения Минприроды для этого недостаточно (особен-

но для утверждения границ переходной зоны, что выходит за пределы его компетенции), и для этого потребуется решение Правительства Российской Федерации после его согласования с органами власти субъектов Федерации, где уже созданы биосферные резерваты. С сожалением приходится отмечать, что на территории Таймырского резервата уже имеются прецеденты выделения лицензионных участков недропользования вплотную к границам заповедного «ядра», которые к тому же перекрывают миграционные пути такого социально-значимого охотничьего вида млекопитающих на Таймыре, как дикий северный олень.

Территория Таймырского биосферного резервата, как показано выше, была достаточно хорошо изучена в прежние годы. К примеру, для каждой из выбранных нами локальных флор имеется полный список видов, частично с привязками (для наиболее интересных и редких растений), но повторить такие исследования для сравнения в условиях глобального изменения климата мы не можем из-за отсутствия средств на доставку специалистов на удалённые участки резервата. То же касается и других компонентов мониторинга окружающей среды. Задачи комплексного экологического мониторинга при современных условиях финансирования на территории биосферного резервата невыполнимы, и возобновить его, даже при минимальном финансировании, не представляется возможным.

Такие работы как сохранение разных видов традиционного природопользования, рациональное использование природных ресурсов, изучение и сохранение ландшафтного и биологического разнообразия на ООПТ и сопредельных с ними участках, участие в программах экономического и социального развития сельских территорий на Таймыре, должны выполняться всеми заповедниками Таймыра совместно с коренным населением при участии местных органов власти. При должной координации и возможностях показать лучшие примеры из опыта других стран (для этого можно использовать Всемирную сеть биосферных резерватов) по внедрению «зеленой» экономики такой подход имеет благоприятные перспективы. Но сейчас местные общины мало осведомлены об этих возможностях, а соответственно и практически не заинтересованы в совместной работе с Объединённой дирекцией, за исключением частных случаев сотрудничества полевых отрядов научных сотрудников с рыбаками, охотниками и сельскими жителями из числа коренных малочисленных народов Севера.

В плане развития сети ООПТ Российской Федерации на прошедшее десятилетие (2011–2020 гг.) значилось получение Большим Арктическим заповедником статуса биосферного, однако в связи с рядом ведомственных реорганизаций этого не произошло. Большой Арктический заповедник изначально проектировался как биосферный (Постановление..., 1993). Однако в современном понимании задач биосферного резервата Большой Арктический заповедник вообще не может быть таковым, так как и на его территории и в ближайших окрестностях исторически никогда не было коренного населения, что исключает возможность важного для биосферных резерватов «сотрудничества с местными общинами».

Необходимо также напомнить, что еще две территории, подведомственные Объединённой дирекции, имеют международное признание: заповедник «Путоранский» включён в список Всемирного природного наследия ЮНЕСКО как «Плато Путорана»; федеральный заказник «Пуринский», охватывающий большую часть водно-болотного угодья «Междуречье рек Пуры и Мокоррито», входит в список Рамсарской конвенции. Как и в отношении биосферных резерватов, наше законодательство совершенно недостаточно уделяет внимания сохранению такого ценного природного наследия. Хотелось бы надеяться, что в ближайшие годы, после завершения продолжающейся реорганизации охраны природы в нашей стране, все задачи, стоящие перед ООПТ, тем более с международным признанием, будут успешно решены (при условии улучшения соответствующего законодательства, увеличения финансирования и улучшения профессиональной подготовки кадров). Такой подход несомненно гарантирует их важный вклад в обеспечение устойчивого развития экономики и повышения благосостояния населения, тем или иным образом связанного с деятельностью ООПТ.

Литература

- Бондарь М.Г., Колпацников Л.А.* Современные проблемы охраны и рационального использования диких северных оленей Таймыра // Материалы. 7-ой Междунар. науч.-практ. конф. «Сохранение разнообразия животных и охотничье хозяйство России». М., 2017. С. 239–242.
- Бондарь М.Г., Колпацников Л.А.* Оценка численности и летнее размещение таймырской популяции диких северных оленей в 2017 г. // Научные труды Объединённой дирекции заповедников Таймыра. Вып. 2. Норильск. Апекс, 2018. С. 29–45.

- Бондарь М.Г., Колпащиков Л.А. Оценка численности и летнее размещение таймырской популяции диких северных оленей в 2017 г. // Науч. тр. Объединённой дирекции заповедников Таймыра. Вып. 2. Норильск: Апекс, 2018. С. 29–45.
- Бондарь М.Г., Колпащиков Л.А. Таймырская популяция дикого северного оленя в изменяющихся условиях среды обитания // Научный вестник Арктики. 2019. № 6. С. 8–15.
- Гаврилов А.А. Очерки о природе Таймыра. Норильск: «Апекс», 2019. 98 с.
- Герасимов И.П. Биосферные станции-заповедники, их задачи и программа деятельности // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1978. № 2. С. 5–17.
- Колпащиков Л.А., Бондарь М.Г. Проблемы охотничьего хозяйства и перспективы устойчивого использования ресурсов дикого северного оленя Таймыра // Современные проблемы природопользования, охотоведения и звероводства. Материалы Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 95-летию ВНИИОЗ им. проф. Б.М. Житкова (22–25 мая 2017 г.) / ВНИИОЗ им. проф. Б.М. Житкова. Киров, 2017. С. 223–226.
- Колпащиков Л.А., Бондарь М.Г. Рекомендации по изучению, охране и рациональному использованию диких северных оленей таймырской популяции: методическое пособие / Всемирный фонд дикой природы. М., 2019. 42 с.
- Кудактин А.Н., Крохмаль А.Г. Создание биосферных полигонов – путь рационального использования ООПТ // Фундаментальные исследования. 2007. № 12 (часть 2). С. 405–407.
- Летописи природы Таймырского заповедника (1991–2015 гг.). [Электронный ресурс]. URL: <http://taimyrsky.ru/letopis/letopis.htm> (дата обращения 20.12.2020).
- Панкевич С.Э. Ездовое собаководство на Таймыре // Байкальский меридиан: От Таймыра до Монголии дорогой натуралиста. Красноярск, Ин-т леса им. В.Н. Сукачева СО РАН, 2008. С. 29–38.
- Поспелов И.Н., Поспелова Е.Б. Повторная инвентаризация флоры низовий реки Бикады (Яму-Неру, Таймыр) через 70 лет // Ботанический журнал. 2001. Т. 86. № 5. С. 13–29.
- Поспелова Е.Б., Карбаинов Ю.М., Гаврилов А.А., Поспелов И.Н., Рогачева Э.В., Сыроечковский Е.Е., Чупин И.И. Таймырский заповедник // Заповедники Сибири. Т. 1. М.: «Логата», 1999. С. 73–89.
- Поспелова Е.Б., Поспелов И.Н. Программа долгосрочного мониторинга локальных флор Арктики: дополнения и изменения во флоре Ары-Маса (Восточный Таймыр) // Ботанический журнал. 2005. Т. 90. № 2. С. 145–164.
- Поспелова Е.Б., Поспелов И.Н. Флора сосудистых растений Таймыра и сопредельных территорий. Часть 1. Аннотированный список флоры и ее общий анализ. М.: КМК, 2007. 457 с.
- Поспелова Е.Б., Поспелов И.Н. Флора сосудистых растений участка «Лукунский Таймырского заповедника // Науч. труды Объединенной дирекции заповедников Таймыра. Вып. 1. Норильск: Апекс, 2015. С. 48–67.
- Поспелова Е.Б., Поспелов И.Н., Орлов М.В. Воздействие климатических колебаний на востоке Таймыра за 80-летний период на растительный и

- животный мир его территории // Науч. тр. Объединенной дирекции заповедников Таймыра». 2018. Вып. 2. С. 127–141.
- Постановление администрации Таймырского автономного округа от 01.03.1993 № 29 «Об организации Большого Арктического заповедника на территории Диксонского административного района Таймырского автономного округа» [Электронный ресурс]. URL: http://oopt.aari.ru/sites/default/files/documents/administraciya-Tajmyrskogo-avtonomnogo-okruga/N29_01-03-1993.pdf (дата обращения 20.12.2020).
- Севильская стратегия для биосферных резерватов. Изд-во Центра охраны дикой природы, 2000. 30 с., вкладки. ISBN 5– S 93699–002– 8
- Соколов В.Е., Сыроечковский Е.Е. Географическая сеть биосферных заповедников, закономерности и перспективы развития // Биосферные заповедники, современное состояние и перспективы развития. Пушино, 1981. С. 5–10.
- Стратегия МАБ на 2015–2025 гг. Лимский план действий для программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера» (МАБ) и её Всемирной сети биосферных резерватов на 2016–2025 гг. Лимская декларация. Опубликовано в 2017 г. Организацией Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wildnet.ru/images/phocagallery/2017/36/novaya_dorozhnaya_karta_mab.pdf (дата обращения 20.12.2020).
- Федеральный закон от 14 марта 1995 г. N 33-ФЗ "Об особо охраняемых природных территориях" (с изменениями и дополнениями). Статья 10. Государственные природные биосферные заповедники.
- Штильмарк Ф.Р. Таймырский заповедник должен быть создан // Охота и охот. хозяйство. 1974а. № 5. С. 24–26.
- Штильмарк Ф.Р. Формирование сети заповедников на территории РСФСР (история и перспективы) // Бюлл. МОИП, отд. биол. 1974б. Т. 79. Вып. 2. С. 142–152.
- Юрцев Б.А. Мониторинг биоразнообразия на уровне локальных флор // Ботанический журнал. 1997. Т. 82. № 6. С. 40–69.
- Якушкин Г.Д. Овцебыки на Таймыре / РАСХН. Сибирское отделение. НИ-ИСХ Крайнего Севера. Новосибирск, 1998. 236 с.